

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 16-го Марта 1908 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9337.

Какъ ходила смерть.

Смерть ходила по землѣ и собирала жатву...

Была ночь... Въ дѣтской горѣльѣ ночникъ... Больной ребенокъ спалъ въ маленькой кроваткѣ... Въ темнотѣ лѣниво и задумчиво тикали стѣнныя часы, и оттого, что не видно было ихъ ясно, они казались живыми; а старая няня, уснувшая на своей кровати, казалась мертвой — такъ крѣпко она спала.

Неслышно растворивъ дверь, вошла смерть. Она приблизилась къ ребенку и стала смотрѣть въ его лицо...

Болѣзнь сжигала тѣло ребенка; она, какъ вампиръ, присосалась къ его сердцу и жадными глотками пила изъ него жизнь, и слабое, безкровное, ставшее какъ пухъ легкое тѣльце казалось какъ свинецъ тяжелымъ для погасавшей въ немъ жизни: она едва могла двигать его членами.

Но ребенокъ не зналъ ничего... На лицѣ его было спокойствіе невѣдѣнія.

И смерть почувствовала, что она не можетъ взять ребенка такимъ: нужно, чтобы онъ увидѣлъ ее.

Она тихо дотронулась до его горячаго лба. Онъ проснулся, открылъ глаза и улыбнулся смерти ласковой, усталой и грустной улыбкой. Ему было пріятно видѣть среди полууты и тишины эту черную склоненную надъ нимъ женщину. Она напоминала ему мать. И глаза его смотрѣли привѣтливо и безстрашно въ ея блѣдное лицо.

И напрасно смерть пыталась сдѣлать свой взглядъ жесткимъ и пугающе пронзительнымъ: ребенокъ не понималъ этого взгляда, потому что никогда еще не сталкивался съ жестокостью.

Онъ спокойно глядѣлъ на нее и довѣрчиво улыбался наивной, неизнающей улыбкой. И взглядъ смерти смягчался отъ этой улыбки: онъ впитывалъ въ себя ласку ребенка, проникался ею и свѣтился отвѣтной лаской...

Долго стояла смерть надъ ребенкомъ, потомъ наклонилась, поцѣловала его въ лобъ нѣжно и бережно, какъ мать, и пошла къ дверямъ.

И уходя обернулась, кивнула ему съ улыбкой и сказала, чтобы онъ не плакалъ:

— Я приду къ тебѣ... я сейчасъ приду.

Но она обманула и не пришла.

Она пошла къ жалкому и бѣдному пьяницѣ, который сидѣлъ одинъ въ своей маленькой грязной комнаткѣ, похожей на гробъ, и пилъ вино. Пилъ и чему то улыбался, и что то бормоталъ про себя, и былъ веселъ, хотя былъ одинъ. И только гдѣ-то глубоко въ пьяныхъ и смѣющихся глазахъ его была спрятана скорбь. Скорбь разбитой жизни и заживо похороненной души, скорбь о прошломъ, объ его прекрасныхъ увядшихъ цветахъ.

Когда вошла смерть, пьяница не удивился и не испугался. Онъ

давно ее ждалъ. И въ этомъ ожиданіи не было ни муки, ни ужаса.

Онъ ждалъ ее, какъ промотавшійся богачъ ждетъ счета изъ мелочной лавочки. И только по одному этому счету и могъ уплатить этотъ промотавшійся богачъ, этотъ жалкій и грязный пьяница...

И онъ обратился къ смерти съ особенной искренней фамильярностью, которая свойственна только пьяницамъ и дѣтямъ.

— Видиши ли... я не ждалъ, что ты придешь сегодня... Отчего ты пришла какъ разъ въ такую минуту, когда я не хочу умирать?

А такихъ минутъ въ моей жизни мало... да, очень мало...

Моя жизнь — тоска; черная осенняя тьма, въ которой лишь изрѣдка вспыхиваютъ маленькие веселые звѣздочки. Зачѣмъ же ты хочешь отнять у меня послѣднюю звѣздочку? Лучше отними у меня тоску. Приходи завтра. Да, завтра утромъ, когда взойдетъ солнце, и вокругъ меня станетъ темно, какъ въ могилѣ. Хорошо? Вѣдь, тебѣ не трудно подождать до завтра? А пока уди; дай мнѣ провести еще одну свѣтлую, пьяную, роскошную и безумную ночь...

И съ покровительственнымъ сожалѣніемъ улыбнулась смерть несчастному пьяницѣ: жалко ей стало этого человѣка, всю жизнь свою отдавшаго тоскѣ — черной осеннеї тьмѣ съ рѣдкими веселыми звѣздочками.

— Хорошо, я приду завтра, — сказала она и ушла.

И вотъ явилась она къ человѣку, который жилъ, какъ всѣ. Немножко думалъ, немножко любилъ, немножко страдалъ...

— Былъ немножко гордъ, немножко уменъ, немножко честенъ, немножко щедръ, немножко честолюбивъ, немножко упрямъ, немножко несдержанъ и даже немножко безуменъ — какъ всѣ.

Имѣлъ состояніе, былъ женатъ и наплодилъ дѣтей, какъ всѣ.

Былъ неудовлетворенъ жизнью, но съ большимъ удовлетвореніемъ рассказывалъ друзьямъ о своей неудовлетворенности.

Считалъ себя жертвой судьбы, но спрятался бы подъ столъ отъ страха, если бы судьба пришла и сказала: «будь моимъ господиномъ!»

Поэтому что тогда нельзя было бы быть какъ всѣ.

Любилъ рѣшать міровые вопросы и на каждый изъ нихъ находилъ определенный отвѣтъ, который ему диктовали всѣ. И если всѣ путались, то путался и онъ. И никогда ни одного вопроса не рѣшилъ самъ, потому что ни одного самъ не выстрадалъ. Великие вопросы были для него не сутью жизни, а только ея украшеніемъ. И онъ украшалъ себя ими обыкновенно лишь въ присутствіи другихъ. Когда же оставался одинъ, то больше всего любилъ мечтать о пяти-этажномъ домѣ на людной улицѣ...

П. Т. Степановъ.

Заслуженный профессоръ харьковского университета и общественный дѣятель. Скончался 8 марта.
(Съ фотографіи А. М. Иваницкаго).

А. И. Чупровъ.

Заслуженный профессоръ московского университета. Скончался 24 февраля въ Мюнхенѣ.

Къ событиямъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Наконецъ, трясясь отъ ужаса, онъ воскликнулъ:

— Я не могу такъ умереть! Дай мнѣ хоть написать завѣщаніе...

— Завѣщаніе—о чёмъ?

— Я хочу, чтобы надъ моей могилой поставили памятникъ.

Жестокая и острыя насмѣшка сверкнула въ глазахъ смерти.

— Хорошо, пиши,—сказала она.

Онъ началъ писать и когда кончилъ, упалъ мертвый грудью на столъ.

И, корчась въ конвульсіяхъ, задѣль рукою свѣчу. Свѣча упала на завѣщаніе и, покатившись по столу, потухла, но успѣла поджечь острый кончикъ бумаги.

Завѣщаніе вспыхнуло и превратилось въ пепель.

Въ темнотѣ передъ смертью неподвижно чернѣлъ трупъ человѣка, похожій на камень.

— Ну что, нуженъ тебѣ теперь памятникъ? спросила смерть презрительно и злорадно.

Человѣкъ, похожій на камень, безмолвствовалъ.

Смерть весело засмѣялась и ушла...

Н. Горловъ.

Фонъ-Эренталь.

Австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ, возбудившій такое волненіе поворотомъ политики на Балканскомъ полуостровѣ.

Миніатюры.

(Съ немецкаго).

Мать.

I.

Она была удивительно хороша истройна, какъ серна.

Однажды ей сказали: „одинъ богатый человѣкъ сдѣлалъ предложеніе твоей младшей сестрѣ. Но мы хотѣли бы раньше пристроить старшую...

И ее пристроили.

Она родила пять человѣкъ дѣтей.

Какъ-то въ ихъ ломѣ сталъ бывать человѣкъ, который занинтересовалъ ее.

Состоялся семейный совѣтъ, и ему указали на дверь.

Тогда она стала надѣяться, что ея даровитые сыновья и красавыя дочери будутъ богаты. Но этого не случилось, такъ какъ они были идеалисты.

Она думала: я должна была отречься отъ моего идеализма, чтобы въстать въ страданіяхъ родить. И вотъ вы теперь вашимъ идеализмомъ мстите мнѣ за поруганную природу?

Она поѣхала со своими красавицами дочерьми въ Остенде, чтобы тамъ поймать кого-нибудь. И, дѣйствительно, одинъ попалъ было въ сѣти. Но въ послѣдній моментъ она ускользнула. Послѣ этого она стала полнѣть, настроение ея портилось.

Однажды врачъ заявилъ ей: „съ сердцемъ плохо“.

Тогда она сказала своей младшей сестрѣ, которая тоже немало перенесла въ жизни: „Изъ за того, что тебѣ предстоитъ блестящая партія, я должна была выйти замужъ. Стоило ли дѣлать это?

„Нѣтъ“ отвѣтила сестра.

Сцена.

II.

Кабинетъ хозяина.

Молодая женщина глубоко усѣлась въ кресло, крѣпко сжавъ пальцы на колѣнѣахъ.

Мужъ сидѣтъ у письменного стола, куритъ папиросы, ходить взадъ и впередъ, вновь садится.

Графъ Л. Берхтолдъ
Австро-венгерскій послы при российскомъ Дворѣ.

Князь Л. П. Урусовъ.
Русский послы въ Вѣнѣ.

Они не смотрѣтъ другъ на друга.

Долгая томительная сцена.

Мужъ вынимаетъ изъ письменного стола ящикъ и достаетъ оттуда револьверъ.

Молодая женщина искоса взглядываетъ туда, пугается, остается неподвижно въ томъ же положеніи.

Мужъ: „къ телефону, Раймонда!“

Она подымается, подходитъ къ телефону на стѣнѣ.

Мужъ подаетъ ей одну слуховую трубку, самъ беретъ другую.

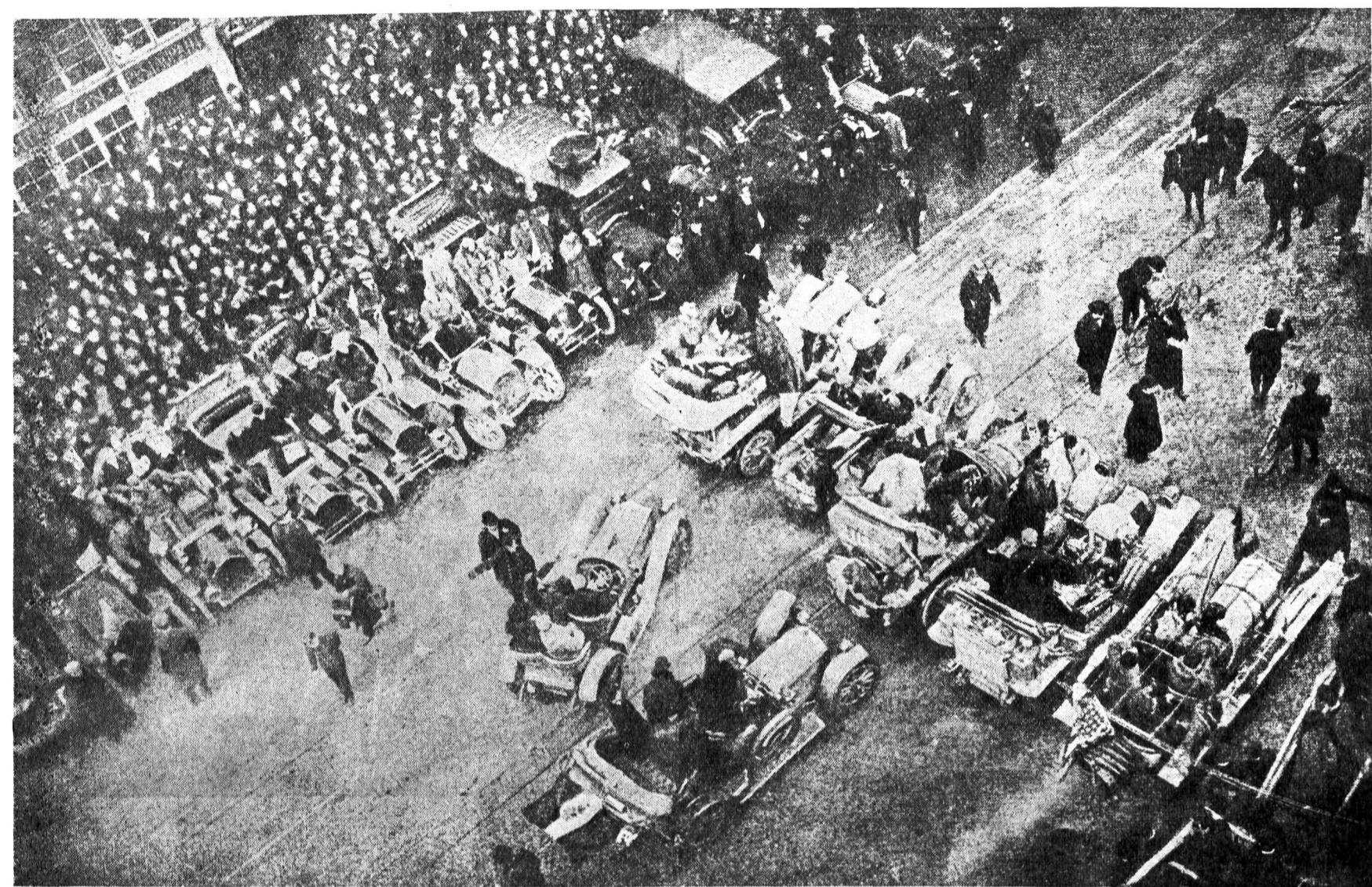
— Номеръ твоего любовника?!?

Она молчитъ.

— Номеръ твоего любовника?!?

— 5712“.

Она звонить, затѣмъ говорить: „5712“. Пауза.

Отправление изъ Нью-Йорка шести автомобилей въ путешествіе вокругъ земного шара.

Стартъ въ Нью-Йоркѣ, на улицѣ Брайанъ. Въ ожиданіи выстрѣла, по сигналу котораго всѣ гонщики пустятся въ дальнее путешествіе. Первымъ стоятъ автомобиль „Діонъ“, вторымъ „Сизеръ-Ноденъ“ (уже вышелъ изъ гонки на 156 километрѣ отъ Нью-Йорка), далѣе — „Зѣстъ“, „Мотоблокъ“ „Томасъ“ и „Протосъ“. Налѣво стоятъ автомобили любителей-проводжатыхъ.

къ письменному столу, садится.

Долгая пауза.

Затѣмъ онъ медленно говоритъ: „такъ вѣтъ какъ женщина истинно любить мужчину?!“

Раймонда, иди съ миромъ!“

(Она медленно уходитъ).

III.

Болѣзнь.

Я болѣнъ. Легкомыслѣ покидаетъ меня. Я начинаю вдумываться во всѣ явленія. Прощаѣте! Легкомыслѣ покидаетъ меня. Слишкомъ поздно я начинаю вдумываться. Какъ было хорошо, когда я былъ здоровъ... Но этого я тогда не знаѣ, это я узналъ только теперь. Сидишь, на-примѣръ, бывало, пѣши чай, куришь и читаешь газету. Не чувствуешь самъ себѧ. Ты беззаботенъ, пока мозгъ въ со-знатіи полноты собственныхъ силъ мо-жетъ отталкивать отъ себя всѣ заботы. Онъ кажутся тебѣ роскошью меланхоліи. Предаешься имъ, потому что, собственно, самъ желаешь этого.

Все мѣняется, когда заболѣваешь.

Тогда мы внезапно теряемъ способ-ность носиться съ своими болѣзненны-ми состояніями, она къ нашему ужасу уничтожена. Нѣчто господствуетъ всецѣ-ло надъ нами.

Заботы приходятъ къ намъ изъ „тай-ственной области безсознательного“, на-ша гибель становится несомнѣнной. Это

И. А. Зиновьевъ.

Русский послы въ Константинополѣ.

Иногда вздыхалъ и говорилъ о смерти, какъ обѣ избавленіи отъ жизненной юдоли.

Но когда пришла смерть, испугался и заплакалъ некрасивыми трусливыми слезами взрослого человѣка. И упалъ на колѣни передъ ней, и униженно цѣловалъ ея одежду, и, захлебываясь, умолялъ ее не отнимать у него жизни.

Но смерть смотрѣла на него холодно и непреклонно.

Тогда онъ сталъ торговаться. Сначала запросилъ 25 лѣтъ, потомъ постепенно стала сбывать, пока не дошелъ до года, до мѣсяца, до одного дня, до одного часа.

Но смерть каждый разъ съ каменнымъ равнодушіемъ отрицательно качала головой.

Главнѣйшіе американскіе миллиардеры.

1) Вандербильтъ, 2) м-съ Руссель Сэджъ, 3 и 4) сыновья Гульда, 5) м-съ Джонъ Рокфеллеръ, 6) В. К. Вандербильтъ, 7) Уингаузъ, 8) Рили, 9) Гео Перкинсъ, 10) Пирпонъ Морганъ, 11) Джонъ Рокфеллеръ, 12) Макзи, 13) Гульдъ, 14) Асторъ, 15) К. Вандербильтъ, 16) А. Асторъ, 17) Карнеджи.

Мужъ подсказываетъ: „я, Раймонда“.

Она: „я, Раймонда“.

Маленькая пауза для отвѣта.

Мужъ: „Въ страхѣ и любви провожу я

свои проклятіе дни.

Она повторяетъ.

Мужъ: „только у тебя, и только у тѣ-

бя я чувствую себя въ безопасности“.

Она повторяетъ это.

Мужъ: „мой мужъ сегодня утромъ не-

ожиданно уѣхалъ на три дня, приходи

поэтому сейчасъ къ твоей Раймондѣ.

Она молчать.

Она подымаетъ револьверъ.

Она говорить это въ телефонъ.

Отвѣта не слышно.

Она кричить въ телефонъ: „не прихо-

ди, онъ здѣсь, все обнаружено.

Мужъ подымаетъ револьверъ, чтобы

выстрѣлить.

Она смотрѣть на него въ упоръ, вся

выпрыгивши, готовая къ смерти, глубо-

ко печальная.

Она ронять револьверъ, подходитъ

ужь больше не зависить отъ нашего измѣнчиваго настроения. Многое мы прозѣвали, вотъ что становится нашей главной мыслью.

Счастье существованія мы тупо использовали, какъ дилетанты жизни. Во всякомъ случаѣ мы слишкомъ много времени удѣляли всему.

Такъ мы на все смотримъ, когда мы серьезно заболѣваемъ.

То въ горечи, то въ необычной кротости проводимъ наши тоскливы дни.

Всѣ явленія кажутся намъ теперь иными.

Какъ будто мы переселились въ болѣе справедливые міры и стали любвеобильнѣ!

Стали ли мы уже ближе къ небу?

Почти что такъ...

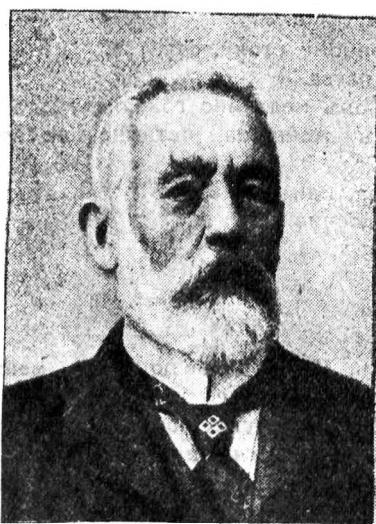
Здоровый во всякомъ случаѣ грубѣе, менѣе вдумчивъ, несправедливѣе, чѣмъ тотъ, который чувствуетъ, что жизнь— это день, часъ, минута, секунда.

Какъ видно, близость смерти является радикальнымъ воспитательнымъ средствомъ.

Монахи-стражники.

Съ разрѣшенія курскаго епископа, въ виду возможныхъ нападеній съ цѣлью, грабежа на Глинскую пустынь, Путивльскаго уѣзда, Курской губерніи, мѣстные монахи вооружены и обмундированы стражниками для охраны обители. На нашей фотографіи сняты всѣ монахи-стражники во главѣ съ курскимъ епископомъ (въ центрѣ). Вдали видна Глинская пустынь.

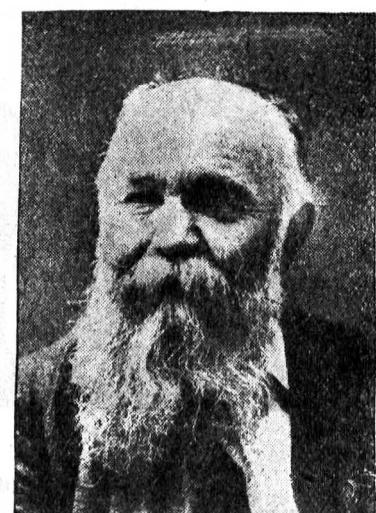
Святополкъ Чехъ.

Въ Прагѣ скончался лучшій современный чешскій поэтъ и писатель Святополкъ Чехъ. Онъ—воспитаникъ Пражскаго университета, былъ адвокатомъ, но потомъ всецѣло посвятилъ себѣ литературу, редактируя журналы, сначала "Kvety", а потомъ "Svetozar". Выпустилъ нѣсколько сборниковъ своихъ стихотвореній.

Фонъ Эсмархъ.

Профессоръ, знаменитый хирургъ. Скончался 10 февраля.

Милованъ Глишичъ.

Въ Дубровнику скончался М. Глишичъ, отецъ современныхъ разсказовъ изъ сербской жизни. Глишичъ былъ знатокомъ русской литературы, и лучшее изъ нея онъ перевѣлъ на сербскій языкъ. Онъ перевѣлъ почти всего Гоголя. Въ теченіе многихъ лѣтъ покойный Глишичъ былъ драматургомъ національного театра.